

НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ МЕЧТА ДЖОНА ДЬЮИ

JOHN DEWEY'S UNREALIZED DREAM

Рогачева Е.Ю.

Профессор кафедры педагогики
Владимирского государственного университета
им. А. Г. и Н.Г. Столетовых,
доктор педагогических наук
E-mail: erogacheva@hotmail.com

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся мыслителю XX в. Джону Дьюи (1859–1952), автору около 1000 работ по самым разным отраслям научного знания, «учителю учителей». На протяжении всей своей жизни он был предан идеалам демократического образования. Материалы статьи, основанные на данных архивов Чикагского университета (проработаны в рамках гранта Корпорации Карнеги), позволяют оценить его вклад во всемирную науку, его гражданскую миссию. В работе анализируются педагогические проекты Джона Дьюи, а также рассказывается о неосуществлённой мечте учёного – его незаконченном фундаментальном труде.

Ключевые слова: научное наследие Джона Дьюи, реформатор в сфере образования, «учитель учителей», «Колумбийский период» Дьюи, нереализованная мечта.

Rogacheva E.Y.

Professor at the Alexander and Nikolay Stoletov
Vladimir State University, Doctor of science
(Education)
E-mail: erogacheva@hotmail.com

Annotation. The paper is devoted to the outstanding thinker of the 20th Century – John Dewey (1859–1952). An author of about 1000 works in different fields of science, «the teacher of teachers» John Dewey was devoted to the ideals of democratic education throughout his whole life. The content of the paper is based on the archives of Chicago University (examined during Carnegie Corporation Grant) and gives a chance to appreciate Dewey's civic mission and contribution to world science. Dewey's educational projects are analyzed and special attention is paid to his unrealized dream – a book he wasn't able to finish.

Keywords: John Dewey's scientific legacy, the reformer in the field of education, «the teacher of teachers», J. Dewey's «Columbian period», unrealized dream.

1 июня 2012 года исполнилось 60 лет с кончины величайшего мыслителя XX в., реформатора в сфере образования Джона Дьюи (1859–1952). Масштаб личности Дьюи всегда поражал как его биографов, так и исследователей его научного творчества. Описывая сферы приложения его таланта, У. Маккензи еще в 1890 г. называл философию, психологию, педагогическую психологию, философию образования, педологию, педагогику начальной школы и школы среднего звена, теорию и практику школ-лабораторий, педагогику высшей школы, методику преподавания отдельных предметов и др.

До сих пор в американском сознании укоренено, что Дьюи «создал демократическую философию, глубина и масштаб которой не имеют равных в современной американской мысли» [9, p. 552]. «Символ веры», которому Джон Дьюи следовал всю жизнь, представлял собой следующее:

«1. Оптимистическая вера в человеческую разумность (в его терминологии – *intelligence*). 2. Вера в активную социальную и моральную роль философии в обществе. 3. Вера в науку и научные методы (под «наукой» понималась рационально-критическая деятельность не только в естественнонаучных сферах, но и в ценностных областях, в том числе и морали). 4. Вера в открытые системы мысли и неприятие догматизма и авторитаризма. 5. Вера в мелиористские и гуманистические возможности социал-реформизма и либеральной демократии. 6. Вера в универсальное образование или, в широком смысле, – в Просвещение как главный рычаг демократизации» [11, с. 172–173]. «Воплощением американского гения» его признали в 1930 г. и в Европе, присвоив ему почетную ученую степень Парижского университета [10, с. 451].

Джон Дьюи являлся одним из основателей философской школы прагматизма, лидером функциональной психологии и движения за прогрессивное образование. По словам Бертрана Рассела, философию Дьюи нельзя сводить лишь к «рационализации американского опыта» – он «*философ модернизма*» в широком смысле слова. По мнению английского философа, Дьюи «стремился постичь динамику модернизации цивилизации и культуры XX века, пружины, толкающие страны к демократии и гуманизму, и одновременно понять, какие силы их блокируют...» [11, с. 174].

Свыше 180 работ Дьюи посвящены педагогическим проблемам и переведены более чем на 35 языков мира. Всемирное влияние ученого как педагога-теоретика и педагога-практика стало возможным благодаря его реформаторской деятельности. Дьюи много путешествовал по миру, его часто приглашали читать лекции, выступать в качестве эксперта в разные страны, например в Японию (1919), Китай (1919–1921), Турцию (1924), Мексику (1926) и в Советский Союз (1928). Авторитет Дьюи в мировых кругах в различные периоды был довольно высок. Он живо реагировал на события не только в сфере образования, но и в политике и требовал справедливости, за что был удостоен многочисленных наград различных национальных правительств еще при жизни.

Начав свою педагогическую деятельность преподавателем колледжа, Дьюи посвятил этой профессии всю жизнь. Еще работая профессором Мичиганского университета, он проявлял интерес к психологии и проблемам образования. Позже он стал «звездой» Чикагского университета (1894–1904), одного из крупнейших учебных заведений США, а затем 26 лет преподавал в стенах Педагогического колледжа Колумбийского университета

(1904–1930) – центра мирового значения по подготовке учителей. Венцом педагогической деятельности Дьюи стал заслуженный высокий титул – «учитель учителей».

Основные идеи инструментализма Дьюи сложились в годы преподавания в Чикагском университете (1894–1904). Именно здесь он возглавлял факультет философии, педагогики и психологии. Когда в 1903 г. появилась работа Дьюи «Исследования в логической теории», Уильям Джеймс назвал это событие началом чикагской школы философии или чикагской традиции прагматизма. Однако Дьюи направил свою философскую мысль на педагогические проблемы, так как для него всегда остро стоял вопрос о целях философии и образования.

Дьюи удалось создать на базе Чикагского университета свою частную экспериментальную школу (1896–1904), организовать такую воспитывающую и обучающую среду, которая позволяла формировать нового ученика и нового учителя, свободных от догматизма и обладающих рефлексивной культурой. Модель этой экспериментальной школы многие современники Дьюи считали прообразом «школы будущего». Именно она дала толчок развитию школ-лабораторий в США и Европе.

В документе под названием «План организации университетской начальной школы» (школа-лаборатория являлась частью университетского кампуса) Дьюи изложил суть своей концепции и цели школы. Считая важнейшей задачей образования «координацию психологических и социальных факторов», ученый требовал создать условия, в которых ребенок мог бы «выразить себя», однако таким образом, чтобы реализовать общественные цели. В разделе «Социологические принципы» Дьюи отмечал, что школа – учреждение, в котором ребенок должен жить в течение определенного времени, становясь членом общинной жизни, ощущая себя ее участником, вносящим свой вклад в общее дело [3]. Дьюи требовал, чтобы школа воплощала в себе подлинную жизнь общины и концентрировала внимание на отдельном ребенке, давала ему возможность выразить свои способности, привычки и соответствовала его нуждам.

Дьюи удалось сконструировать учебный план нового образца в своей экспериментальной школе. Изучение архивных записей учителей школы Дьюи, фотографий его классной комнаты, снимков, отражающих виды занятий учеников, анализ многочисленных работ студентов дают право утверждать, что Дьюи значительно продвинулся вперед в разработке проблемы содержания образования, учебного плана не только на бумаге, но и на практике.

Продолжатель традиции «естественного воспитания» Ж.Ж. Руссо, Дьюи не считал нужным полагаться в воспитании на консервативные авторитеты – родителей, преподавателей, священников. Он не исключал необходимости авторитета, однако авторитета нового типа, «который, в отличие от прежних, способен менять свою руководящую и регулирующую тактику» [2, р. 137]. Противник такого типа учителя, который навязывает ученикам свои идеи, Дьюи отводил преподавателям иную роль: преподаватель есть член общества, отбирающий влияния, воздействующие на ребенка, и помогающий ему должным образом реагировать на них. Ученый выступал за развитие рефлексивной культуры учителя, считая, что без этого невозможно формировать рефлексивные навыки учеников – будущих специалистов. Дьюи всегда призывал своих студентов развивать

мышление, «не жить в тени чужих мыслей». Он верил в способность каждого индивида решать сложные мировые вопросы и быть активным участником в решении проблем, с которыми сталкивается общество. Дьюи считал, что образование должно быть соотнесено с индивидуальными возможностями каждого члена общества и развивать их необходимо так, чтобы каждый смог активно участвовать в принятии решений общественной значимости.

Будучи главой кафедры философии, психологии и педагогики еще в 1890-е гг. и развивая идеи прагматизма, Дьюи повлиял на целое поколение ученых в области общественных наук.

«Колумбийский период» (1904–1952) стал особенно важным для Дьюи с точки зрения развития его гражданской позиции, общественной значимости, мировой известности как педагога-практика и теоретика. Этот период очень отчетливо отражает разнообразные аспекты его деятельности. Дьюи был борцом за права черных и активистом в создании Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (National Association for the Advancement of Colored People, 1909 г.), а также Американской федерации негритянских студентов колледжей, которому удалось убедить Элеонору Рузвельт занять кресло президента Консультативного ениккомитета в 1940 г. С 1916 г. Джон Дьюи был членом Американского Союза противников милитаризма, ставшего впоследствии Американским Союзом гражданских свобод, состоял в Национальном комитете этого союза вплоть до 1930-х гг.

Дьюи помогал в создании Лиги независимого политического действия, был вице-президентом Американской ассоциации развития науки, основателем Образовательного комитета международной доброй воли, председателем Организационного комитета национальной помощи образованию, членом Американского комитета за освобождение русских детей, членом Китайско-Американской комиссии и т.д. При этом всегда его участие в работе этих организаций было добровольным. Становясь членом той или иной организации, он активно действовал, используя весь свой интеллект и творчество, проявлял себя как настоящий гражданин.

Очень значимым начинанием Дьюи было создание Американской ассоциации университетских профессоров, задачей которой было помочь в создании более разумного общественного мнения, способствовать возрастанию понимания со стороны общества важности высшего образования. Дьюи тщательно расследовал факты нарушения свободы профессоров в различных университетах США, за что и получил почетный титул пожизненного члена этой организации.

На протяжении многих десятилетий XX в. Дьюи не только писал теоретические работы в контексте педагогического образования, но и активно проводил реформу системы подготовки учителей, пытался избавить будущих педагогов от догматизма, формируя у них рефлексивные умения, обеспечивающие, по мнению ученого, прогресс личности и культуры нации. И в Чикагском, и в Колумбийском университетах Дьюи существенно развил методику проведения «проблемной лекции», обосновал «лабораторный подход» к организации практики будущих учителей, стимулировал работу «летних сессий» в системе непрерывной подготовки учителя и т.д.

Надо признать, что последние годы жизни Джона Дьюи служат доказательством огромного жизнелюбия и стойкости учёного, его верности идеалам демократии. В разделе биографического очерка Джея Мартина под названием «Конец» («The End») написано следующее: «По случаю 90-летнего юбилея Джона Дьюи, Горас Каллен (Horace Kallen) отметил, что он не может припомнить ни одного философа как из уже ушедших в мир иной, так и ныне здравствующих, кто в течение столь долгого времени сохранял бы полноту жизненных сил подобно Джону Дьюи» [7, p. 478]. Конечно же, он был прав. Первая статья Дьюи появилась в 1882 г. К 1949 г. он уже философствовал в течение 67 лет и опубликовал около тысячи эссе, книг, рецензий и научных трудов, утверждая, что последний его труд ещё не увидел свет. Но в 1940-х гг. здоровье Джона Дьюи сильно пошатнулось. Хотя его мысль оставалась ясной, физическое состояние менялось с каждым днём. Дьюи признавался своему другу Джо Ратнеру, что стал «уделять больше внимания лекарствам, чем идеям» [7, p. 479].

И хотя Дьюи слабел с каждым днём, как только его самочувствие становилось лучше, он возвращался к своей печатной машинке и продолжал работать в течение нескольких часов. В 1949 г. он совместно с Артуром Бентли опубликовал книгу под названием «Познание и познанное» («Knowing and the Known»), в которой попытался по-новому переосмыслить гипотезы, представленные в работе «Логика: теория исследования» («Logic: A Theory of Inquiry»). Ранее, в предисловии к «Логике» Дьюи уже обозначил свою высокую оценку труда Бентли «Лингвистический анализ математики» («Linguistic Analysis of mathematics», 1932).

Книга Бентли оказалась очень значимой для философа в осмыслении того факта, что не только логика Аристотеля, но и современная формальная математическая логика «предполагает контроль значений, зафиксированных вне исследовательских операций», так как исследование требует логики, которая зависит от самой себя в ходе осуществления. Познанное могло действовать только в познании. Однако если Дьюи пришёл к этой идее через Канта, Гегеля, Джеймса и Пирса, то Бентли – через Гегеля, Георга Симмеля, Вильгельма Дильтея и, конечно, самого Джона Дьюи.

В 1895 г. Бентли был слушателем семинара по проблемам логики в Чикагском университете и наблюдал путь философа Дьюи от Гегеля к прагматизму и созданию труда «Исследования в теории логики» («Studies in Logical Theory»). В своей записной книжке во время семинара Бентли сделал пометку: «Дьюи призывал студентов задаваться вопросом: «А что значит знать?». И Дьюи, и Бентли старались использовать естественные науки для создания науки человечества. Надо признать, что оба ученых находились под интеллектуальным влиянием одних и тех же культурных веяний: утопичной, трансцендентальной, эволюционной, органичной, натуралистической, идеалистической, практической веры в то, что на берегах Америки разворачивался новый сегмент истории. Более того, они верили, что обязанностью каждого американца было помочь этому развитию и присоединиться к нему. Такое развитие виделось им демократичным и эгалитарным, превосходным как в политике, социальной жизни, так и в искусстве и интеллектуальной деятельности. Образ нового человека для строящихся Соединенные Штаты граждан стал образом совершенного, идеального представителя человечества. Выдающийся мыслитель

XX в. Джон Дьюи как «аутентичный голос демократии» своего времени, как человек, являвшийся бесменным «национальным философом», а для всего философского мира – наиболее ярким воплощением «американского гения», не мог не чувствовать себя наследником данной идеи.

Работа «Познание и познанное» явилась попыткой описать небольшой, но очень значимый сегмент американского видения – теорию лингвистических знаков, которые должны быть «твердыми», определенными, подходящими с точки зрения коммуникации, чтобы вывести прагматизм в следующую фазу интеллектуальной и социальной реформации. Надо сказать, что в нескольких письмах, последовавших за выходом этого фундаментального труда, Дьюи начал говорить о своем новом видении, согласно которому современная цивилизация, особенно в Америке, вступила в новую фазу истории.

Новый американский мир трансформирует глобальный мир не военным и экспансивным деловым вторжением в Европу и Азию, не путем открытия экономических ворот или обеспечения условий для демократии в мире, а путем переделки цивилизации через коммуникацию (общение) и комьюнитарность. В 1949 г. в письме к французскому политическому философу Себастьяну де Грация, комментируя в положительном ключе его работу «Политическая община» и послав собственное предисловие к перепечатанной работе «Реконструкция в философии», Дьюи писал: «Комментарии к нашему состоянию неопределённости, смятения и неустроенности написаны в связи с крахом современной философии и необходимостью посмотреть на ситуацию человечества радикально по-новому... Я полагаю, что мы находимся у начала нового периода истории, модернизма, и что века, прошедшие с того времени, которое мы называли Средневековым периодом, есть лишь времена перехода... Наш кризис фактически состоит в том, что новое достигло стадии развития в момент, когда разрушение, подрыв прошлого вызвали состояние неустроенности, но еще не достигли точки конструктивной организации в логике нового... Нам, вероятно, придется жить в величайшем кризисе, какой человечеству трудно вообразить... безусловно, он будет сильнее, чем падение Рима... Диагноз, по крайней мере, – первая необходимость» [6].

Год спустя Дьюи развил идею под названием «годы Модерна» в письме к Риду Бейну, задаваясь вопросом о том, что, возможно, человечество находится на пороге изменений, касающихся человеческих отношений и создания чего-то нового. Дьюи стремился передать эстафету реконструкции другим. С этим он обращался и к своим студентам. Но когда силы вновь возвращались к нему, он все же подумывал о написании еще одной своей книги. Вспоминается аналогичная ситуация с известным английским писателем Сомерсетом Моэмом – мастером коротких рассказов и автором многих романов, который в свои шестьдесят с лишним лет написал книгу под названием «Итог» («The Summing up»), думая, что пришла пора подытожить прожитое. После этого он прожил еще почти три десятка лет, названия книг были уже иного плана, например: «Записная книжка писателя» («The Writer's Notebook»).

Что касается Дьюи, то он планировал написать книгу, в которой хотел обобщить историю собственного развития, поразмышлять об истории становления и развития Западной мысли и обозначить путь по консолидации новой стадии истории. Он при-

ступил к работе над книгой в 1941 г. и поведал Корин Фрост, что собирается написать нечто подводющее итоги в области философии, чтобы показать «насколько процесс нашего теперешнего смятения зависит от степени сохранения старых идей, после того как их основания и действие ушли в прошлое» [5]. Книга должна была стать прагматической методологической критикой тех моментов, когда мысль не была способна адаптироваться к новым условиям жизни. Основным заголовком планировалось сделать «Натурализм». Дьюи хотел отразить попытку человека вступить в интеллектуальные отношения с миром, в котором он живет.

Джон Дьюи очень напряженно работал над этим трудом, в котором была предпринята попытка систематизировать собственные философские взгляды, складывавшиеся на протяжении всей жизни, но случилась нелепость. Он объяснял своему редактору, что уже держал в руках свое детище, однако по нелепой случайности рукопись была потеряна. Как сообщает ряд источников, Дьюи почти закончил черновик, работая очень усердно в своем летнем домике в Хаббардсе (Новая Шотландия) в 1949 г. По словам Колис Ламонта, Джон и его вторая супруга Роберта вернулись в Нью-Йорк и припарковались перед входом в свои апартаменты на углу Пятой авеню и 97-й улицы. Они оставили багаж для носильщика, и пошли к лифту. Когда носильщик принес багаж, Дьюи оглядел его и сказал Роберте: «Боже, моего портфеля здесь нет». Миссис Дьюи немедленно бросилась вниз. Они были уверены, что портфель был вынут из машины, когда они выходили, но он исчез. Именно в этом портфеле была рукопись почти законченного труда Дьюи [1].

К сожалению, черновики не остались. Дьюи в его девяносто лет пришлось бы начинать все заново. Ученый был вне себя, его ничем не могли успокоить. Джо Ратнер пытался утешить друга тем, что у него полно ярких и основательных набросков, которые могут составить новое предисловие к его работе «Опыт и природа» («Experience and Nature»). Ратнер считал, что идеи, которые Дьюи заложил в этот труд, могли бы составить содержание научной дискуссии нескольких поколений. Кроме Дьюи довести это дело до конца никто бы не смог. Эта мысль вернула оптимистическое настроение ученому. Уже через несколько дней он признал, что может и лучше, что он потерял рукопись: «все, что ни делается, – все к лучшему».

Дьюи комментировал ситуацию с пропавшей рукописью так: «В какой-то степени это придало моим идеям новый импульс, и я могу заново все начать. Я думаю, что у меня есть идеи и получше» [1]. В интервью он был настолько оптимистичным, что даже шутил по поводу сибиряков, которые доживают до 120 лет: «Если они могут жить так долго, так почему бы и мне не попробовать? Тогда времени будет вполне достаточно, чтобы написать большую книгу» [8]. Планировалось, что книга будет генетически отражать историю фазы мышления, начиная с открытия греками человеческой морали, которая прокладывала путь демократии. Период от Античности до начала эпохи Возрождения был, по мнению Дьюи, посвящен созданию сверхъестественной версии греческого синтеза, в рамках которого дискурс спасения заменялся методом рациональности. Начиная с эпохи Возрождения и до середины XX века человечество бродило между двумя мирами «несовершенной секуляризации». Теперь же, по мнению Дьюи, новая теория знания, основанная на адап-

тации логики, вырастает из естественных и гуманитарных наук: психологии, экономики, искусства, лингвистики, физики и математики. Дьюи представлял себе новую эпоху, в которой теоретическое будет идентично практическому. Безусловно, такое видение входило в противоречие с существовавшей тогда философией.

Дьюи очень хотел закончить книгу, но силы его покидали. Он даже сетовал, что, хотя желание закончить книгу было огромным, возможно, у него не хватит на это сил. Ученый даже поехал на Ямайку (Монтего-Бей), чтобы подышать лечебным морским воздухом. Вместе с женой Робертой они провели несколько месяцев во Флориде, в Пенсильвании (Maple Lodge). Энергия потихоньку прибывала, но работа над книгой продвигалась очень медленно. В конце 1950 г. Дьюи с супругой и детьми полетели в Лос-Анджелес, где несколько недель провели в семейном отеле «Санта-Моника». В январе 1951 г. они отправились на Гавайи, собираясь провести там целый месяц, и остановились в отеле «Халекулани» на Оаху. И хотя здоровье не восстанавливалось, согласно ожиданиям медиков, все же Дьюи сумел закончить статью по проблеме социального исследования («How, What and What for in Social Inquiry»).

Дьюи покинул Гонолулу в конце февраля и сразу же попал в больницу Лос-Анджелеса. После пятидневного отдыха и хорошего врачебного ухода силы вернулись. Надо сказать, что 91-летний Дьюи действительно поверил в то, что врачи помогли ему восстановиться настолько, что он сможет освободиться от боли и недомоганий на долгое время. Все его мысли были направлены на «довольно дерзкие» новые философские и социальные проекты. После выхода из больницы в середине марта возвращение в заснеженный Нью-Йорк было бы опасным для здоровья Дьюи, поэтому семья осталась в Таксоне.

Однако боль в висках не отпускала Дьюи ни на миг. Он не мог сосредоточиться на книге. К тому же он получил известие о том, что не стало его друга Альберта Барнса, с которым было связано столько светлых воспоминаний. За физической болью последовала депрессия. Когда Дьюи вернулся в Нью-Йорк, ему уже требовался постоянный уход. По воспоминаниям сиделки, Дьюи не чувствовал острой боли, «просто его тело и все жизненные органы сигнализировали о том, что они порядком поизносились» [7, p. 484].

И все же Дьюи продолжал писать книгу. В середине 1951 г. в интервью *New York Times* он сообщил, что работает над новой книгой, в которой будут собраны и изложены в новом ключе все его воззрения на философию образования. Однако время, отведенное автору на написание книги, сокращалось с каждой новой неделей. Его наброски, заметки, выдержки и фрагменты остались разрозненными, собрать воедино их так и не удалось. Преданный друг Джо Батнер не оставлял ученого и всегда оставался поблизости. В последние дни жизни учёного только сын Фрэд поддерживал с отцом тесную связь. Другие члены семьи – дочери Эвелин и Лиз оставались почти в полном неведении об угасании отца. Дочь Лиз несколько отдалилась от семьи, а Эвелин была очень зла на мачеху Роберту.

В конце мая Джо Батнер все же послал заключение врачей дочерям. Прогноз был очень неутешительный. Через две недели, 1 июня 1952 г. Джона Дьюи не стало. Колумбийский университет попросил разрешения провести мемориальную церемонию в уни-

верситете, поскольку Джон Дьюи сделал очень много для этого учебного заведения, был для него знаковым явлением и его ценили и помнили многие педагоги и студенты университета. Однако супруга Роберта распорядилась о том, чтобы церемония прошла в частном порядке и быстро организовала мемориальную службу в общинной церкви. Во время службы пастор Харрингтон наряду с фрагментами религиозных текстов прочел выдержки из работы Дьюи «Общая вера» («A Common Faith»), стихи Мэтью Арнольда, Джорджа Эллиота и Коллериджа. Артур Дэвис пропел два традиционных гимна. Харрингтон назвал Дьюи «святым философом» и сравнил его с Сократом. Затем с обращением выступил друг Дьюи Макс Отто. Роберта взяла урну с прахом домой.

Джейн Дьюи – единственная из дочерей, которая присутствовала на церемонии, написала Отто письмо с благодарностью за то, что он сделал в память об отце. Вот отрывок из ее письма: «Я – дочь, прожившая с ним последние годы его жизни... Его жизнь заключалась главным образом в его профессии, о которой так много писалось в прессе, и порой неверно, но ваши отношения с ним были связаны именно с тем, что его очень заботило и что сделало его значимой личностью и, конечно, общественным деятелем» [4].

Эвелин Дьюи написала письмо благодарности Харрингтону за «хорошую службу», но была вне себя от гнева. Дети Дьюи ничего не получили по завещанию отца. Летом 1969 г., когда американские астронавты Нил Армстронг и Эдвин Олдрин стали первыми людьми, высадившимися на Луне, вдова Джона Дьюи Роберта позвонила газетчикам и сказала, что последними словами ее умирающего мужа Джона Дьюи были следующие: «Ты еще станешь очевидцем того, как мы полетим на Луну – где-то 18 или 19 лет спустя». Дьюи ушел из жизни за 17 лет до полета американцев на Луну. Его пророчество было опубликовано уже после смерти ученого во всех газетах. Этот интересный факт приводит биограф Дьюи Джей Мартин [7, p. 488].

Роберта умерла в 1970 г. на Майяями-Бич, после чего прах Джона Дьюи вместе с прахом его супруги был перевезен в Университет Вермонта и помещён под гранитный камень, на котором была выгравирована следующая надпись: «То, что в цивилизации ценится больше всего, касается не нас самих. Это создается благодаря деяниям и страданиям продолжающегося в веках человеческого сообщества, с которым мы связаны. Мы должны быть ответственны за сохранение, передачу, улучшение и расширение ценностей, которые нам достались, для того, чтобы те, кто придут после нас, получили их в более чистом, надежном виде, чтобы ценности стали доступнее для большего количества людей и распределены честнее между всеми, чем это было при нас» [7, p. 488]. Думаю, что и сегодня эти слова актуальны как обращение Дьюи к ныне живущим.

Список литературы:

1. Corliss Lamont, ed., *Dialogues on Dewey*, New York, 1959, p. 50: JR >JD, 7/6/49, Corliss Lamont, ed., *Dialogues on Dewey*, New York, 1959, p.50: JR >JD, 7/6/49, ICarb S:Southern Illinois University, Carbondale, Illinois. Special Collection, Morris Library. *John Dewey Papers* (пер. с англ. Е.Ю. Рогачевой)
2. *Dewey, J. Authority and Social Change / J. Dewey // Idem. The Later Works, 1925–1953. Vol. 11.*

3. *Dewey, J.* Plan of Organization of the University Primary School / J. Dewey // Special Collections Research Center The University of Chicago Library. University President's Papers. Box 30 Folder 23.
4. Jane D > Max Otto, 6/8/52, Wisconsin Historical Society, Madison, Wisconsin, Archives and Special Collections.
5. JD > Corinne Frost, 9/1/41, ICarb S:Southern Illinois University, Carbondale, Illinois. Special Collection, Morris Library. John Dewey Papers (пер. с англ. Е.Ю. Рогачевой).
6. JD > Sebastian de Grazia, 1/25/49, ICarb S:Southern Illinois University, Carbondale, Illinois. Special Collection, Morris Library. John Dewey Papers (пер. с англ. Е.Ю. Рогачевой).
7. *Martin, J.* The Education of John Dewey: A Biography / Jay Martin. – New York: Columbia University Press, 2002.
8. Washington Post, 10/23/49.
9. *Westbrook, Robert B.* John Dewey and American Democracy / Robert Brett Westbrook. – Cornell University Press, 1991.
10. *Павлова, Л. Е.* Исследование как кредо жизни и философии / Л. Е. Павлова // Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер., примеч. и послесл. Л. Е. Павловой. – М., 2003.
11. *Юлина, Н. С.* Философия Джона Дьюи и постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти / Н. С. Юлина // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / отв. ред. А. В. Рубцов. – М., 1997.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2013, № 2